

МЕЛЕК ЭЛЬ-МОДЫ* ПОВЕСТЬ

(Соч. Абея Гюго)¹

— Спеши сюда, плодовитая Саидлаже, на дворе ждет тебя гонец; он прибыл от Гассана, старшего твоего сына, который один уцелел после кровавой битвы при пирамидах².

Старая египтянка встала поспешно, сколько ей позволяли ее преклонные лета, оперлась на плечо юной своей невольницы и спросила: “Кто таков этот гонец?”

- Госпожа, на нем одежда бедуина³, ноги у него босые, все в пыли; в руках посох странника.

- Пусть войдет,— молвила Саидлаже, взяв свою фату, чтоб покрыть лицо свое; и тогда как невольница отворяла двери и подавала бедуину знак войти, она села на диван, покрытый дорогими коврами.

Гонец вошел, не становясь с почтением на колени; он был закутан в широкую арабскую епанчу⁴, с синими и белыми полосами. Он остановился перед диваном и, не говоря ни слова, устремил пронизательный взор свой на глаза, светившиеся сквозь зеленую фату вдовы Эмира Гаджи.

Но она, откинув назад фату, вскочила и бросилась обнимать его.

- Гассан, милый сын! — вскричала она в радостном восторге.

* Мелек на арабском языке значит *ангел*. О существовании необыкновенного человека, который под именем Эль-Моды приводил в опасность Французов, находившихся в Нижнем Египте, можно справиться в книге: “Victoires et Conquêtes des Français etc”, т. 10, стр. 297 и след., также в “Relation de l’expédition d’Egypte”, соч. Бертье, стр. 98 и след.

— Мать! ты узнала меня?

— Какая чуждая одежда помешала бы глазам моим узнать тебя, мой сын, тебя, которого я носила у своего сердца, кормила своим молоком?

Гассан улыбнулся, почтительно поцеловал руку своей матери и сказал ей:

— Да хранит тебя Могаммед, мать моя! десница пророка да заменит тебе мою руку, которая не будет более служить тебе опорой.

Добрая мать не слышала ничего. В нежной заботливости она послала невольницу принести свежей воды, щербету⁵, благовонного табаку и длинную трубку своего сына.

Когда все было принесено и поставлено на низкий стол, тогда мать посадила сына своего на то место, где сама прежде сидела на диване. “Пей, Гассан,— говорила она,— ты устал; отдохни. Бог и пророк его хранили твой дом в те дни, когда тебя здесь не было. Стада наши не достались в добычу франкам; невольники наши угнали их и спрятали по ту сторону степи, в лесу сивахском. В гареме твоём болезни не терзали жен твоих; все они нетерпеливо хотят тебя видеть”.

51

Отдавая сыну своему отчет в употреблении власти, которую он предоставлял ей в доме своем, Саидлаже набила перламутровую трубку его благовонным табаком, смешанным с сабуром⁶ и шалфеем, раскурила ее, подала сыну и начала продолжать разговор.

— Расскажи мне теперь, сын мой, для каких намерений оделся ты в это грубое платье и какие страны объехал ты в месяц твоей отлучки?

— Мать! это платье надето мною для того, чтобы оно скрыло твоего сына от подозрительного любопытства франков — завоевателей и коптов⁷ египетских, их малодушных поборников.

Я был в Акре⁸, видел там Джезар-пашу⁹; в Алепе¹⁰, откуда голуби Факима понесли тебе мои письма; в Мекке¹¹, где поклонился я гробу пророка.

Я переплыл море Аравийское; вышед на берег в Косреире¹², я обошел верхний Египет, и там в Эль-Вахе встреченный мною Мурад-бей обещал мне помощь.

В челноке переплыл я из Сиута¹³ в Каир; друзья наши там многочисленны и отважны; один из них доставил мне средства пройти снова в Рашид*, -не возбуждая подозрений в наших врагах.

Радость и торжество! мать моя, порадуйся. Египет освободится, закон Могаммедов восторжествует.

Отец и братья мои будут отмщены, и побежденные наши завоеватели покинут берега Нила прежде, чем река сия вступит в свои берега.

Один из начальников французского войска, Десе, идет на Сайд¹⁵; там он встретит храбрых мамелюков¹⁶ с их беем. Главный полководец, Бонапарте, в Сирии, где Джезар ставит непреодолимую препону его покушениям. Великий визирь султана, Юсуф-паша, снаряжает

* Розетту¹⁴.

в Кандии¹⁷ войско и корабли; англичане соединяются с атаманами и помогают нам своею морскою силой.

Торжество наше несомненно: завтра весь Бахирех¹⁸ восстанет. Сын твой Гассан, мститель за братьев и доныне еще не ведомый миру, явится страшен посреди верных, как ангел-истребитель, столько раз обещанный, столько раз возвещенный. Все начнется завтра: и гибель франков, и освобождение Египта, и месть за братьев моих.

— Как, сын мой! ты таил в душе своем желание — исполнить это опасное дело? Так и ты хочешь погибнуть?

— Да, если это нужно, мать моя. Где идет дело о Боге, Могаммеде и братьях моих, там смерть — ничто для меня; но если она *ничто* для меня, это потому, что я все приготовил для твоей безопасности. Нынешним вечером *джерме*¹⁹, управляемая искусными пловцами, остановится на Ниле, в конце сада. Она перевезет тебя с твоими невольницами на корабль, плавающий перед пристанью, а сей корабль унесет тебя в Кандию, где, по повелению Юсуф-паши, готов для тебя дом. Прощай, мать моя! оставляю тебя. Не должно, чтобы человек, жертвующий собою для своей родины, умирая, уносил с собою за гроб беспокойство о судьбе своей матери. Если мне суждено пасть, то пускай паду я один. Прощай.

Он обнял мать свою и ушел. Добрая, престарелая женщина осталась одна и плакала об этом сыне, которого вскормила она в тяжких

заботах, о котором она неусыпно пеклась для того, чтобы так скоро его лишиться.

Оставя мать свою, Гассан зашел в свой гарем. Он остановился на несколько минут у дверей той комнаты, где находились милые его невольницы: ибо юный мусульман не имел еще ни одной из четырех законных жен, позволенных Могаммедом всякому правоверному.

Между тем как евнух, страж гарема, ожидал его повеления, чтоб отпереть

52

таинственное сие убежище, Гассан смотрел в комнату сквозь частую решетку двери.

Четыре его невольницы собрались около порфировой²⁰ купальни, наполненной чистою, свежешю водою. Курильницы с драгоценными благовониями дымились по углам комнаты.

Белые невольницы сидели на подушках, разложенных вокруг купальни. Альмина и Мезрум, черкешенки, рожденные в стране красоты, заплетали свои длинные, черные волосы и перевивали их нитками белого жемчугу ормузского²¹. Зиска, столь же прекрасная, белокурая дочь полей Молдавии, томно водила пальцами по струнам своей лютни и вполголоса пела славянскую песню. Черная Алфена, лежа в шелковой сетке, привешенной наподобие койки к перекладине потолка, тихо качалась над купальнею. Опустя одну ногу в купальню, она плескала ею и струила поверхность воды, а другою упираясь по временам в порфиновый

край купальни, придавала медленное, однообразное движение висячей своей колыбели.

Алфене было четырнадцать лет. Родясь на берегах Нигера, еще в детстве была она привезена в Египет продавцом невольниц и продана матери Гассановой. Она была невелика ростом, но очень стройна. Соразмерность и правильность в чертах прелестного ее лица, прямой нос, большие, выразительные глаза, зубы белые, как слоновая кость, придававшие еще более тени черному цвету ее кожи, еще более краски малиновым ее устам,— всё это заставляло Гассана любить ее столько же, как и других, белых его невольниц.

— Повелитель,— сказал евнух, отворяя дверь,— в таких забавах провели они все дни твоего отсутствия. Женщины,— прибавил он громко,— вот наш повелитель.

Тотчас все встали; Алфена выскочила из своей колыбели; они упали к ногам Гассана, который поднял их и перецеловал одну за другою.

— Жены,— сказал он,— вы удовольствие жизни; но человек, идущий путем долга, не всегда берет себе спутником удовольствие; мне должно вас оставить. Я возвращаю вам свободу: все, что дал я вам, будет вашим, вы можете увезти все сии дары в вашу отчизну. К этому я прибавлю каждой из вас по десяти тысяч *мединов*, на путевые ваши расходы.

При сих словах Альмина, Мезрум и Зиска благодарили его, поцеловали край его одежды и вышли, чтобы готовиться к отъезду и собрать свои драгоценности и наряды.

Алфена осталась одна с Гассаном и, стоя перед ним, смотрела на него с видом умоляющим.

— А я? — спросила она.

Он отвечал: “Ты свободна и можешь возвратиться в отчизну твою”.

— Свобода, отчизна! — прервала она, — о повелитель мой! эти слова ничто для Алфены. Отчизна моя! я знаю только сей дом, в котором я выросла, где заключены все мои желания и надежды. Удержи меня при себе.

- Не могу, Алфена; я пускаюсь на долгое странничество, где ждут меня великие труды и опасности, а может быть, и смерть.

— Смерть! и ты хочешь, чтоб я тебя покинула!

— Женщина была бы мне помехой в моих намерениях.

— Позволь мне идти за собою: я надену платье, носимое мужчинами. Если ты сделаешься болен, а я не буду при тебе, кто же станет ходить за тобой? Кто поднесет к томимым жаждой устам твоим благотворное питье? Если тебе должно будет уснуть под тенью пальмовых деревьев, кто станет усмирять жужжание насекомых? кто станет отгонять

от тебя докучливых мух? Позволь мне идти за собою!

Гассан призадумался на минуту, потом сказал юной негритянке: “Ты желаешь того — и

пойдешь со мною; но знай, что для тебя наступит жизнь бедствий и страданий”.

— Что до того! лишь бы мне быть с тобою,— отвечала она.

В тот же вечер три белые жены Гассановы его оставили. Мать обняла его и отправилась на *джерме*.

С рассветом следующего дня они вышли из Рашида дамангурскими воротами. На Алфене была богатая одежда, подобная одежде *ичогланов*²² Мурад-беевых. Она ловко правила хорошо выезженным и рьяным арабским конем.

Гассан был уже не прежний Гассан. Он скинул с себя одежду бедуина, но не надел обыкновенного своего платья. Черная борода его была гладко обрита; зеленая чалма с белым пером покрывала его голову; платье, кафтан и епанча были на нем белые. Он ехал на белом коне, который хотя и родился в окрестностях Медины²³, но ростом был выше тех коней французских, кои вскармливаются на равнинах Нормандии. Ружье, дротик, сабля и два пистолета — таково было оружие Гассана.

Когда они выезжали из Рашида, тогда иман²⁴, стоя на минарете мечети, возвещал народу новую победу, одержанную французами над Джезаром, и взятие Яффы²⁵.

Гассан, мимоездом, сказал стекшейся толпе: “Последняя победа! первое поражение!” На него посмотрели с удивлением; но он продолжал свой путь по дороге Дамангурской.

Он молчал во весь остаток дня; казалось, он занят был великим намерением. Вечером конь его

остановился у ворот одного дома, неподалеку от Дамангура²⁶. *Феллах* (поселянин), сидевший под тенью финикового дерева, взял коня под уздцы и ввел его во двор. Гассан соскочил с коня и подал знак Алфене идти за ним; для них приготовлена была комната, и здесь они провели ночь. На другой день поутру они поехали далее.

Обычай призывал на рынок, собиравшийся в одной близлежащей долине, всех *феллахов* бахирехских. Гассан отправился туда.

Там, подле мечети, которой высокие минареты издалика видны по равнине, были расставлены рядами шатры разной величины и разного цвета. Они составляли собою улицы, как на базаре большого города. Широкая площадь была оставлена пред лицевою стороною мечети; толпа народа медленно там волновалась.

Араб великой степи, пришедший с палящих песков продавать своих коней славной и чистой породы, разговаривал тут с купцом из Дарфура²⁷, завлеченным в Египет желанием обменять слоновый зуб, золотой песок и черных невольниц на шелковые ткани. Здесь бедуин сивахский набивался богатому *феллаху* с своими верблюдами, дромадерами²⁸ и лошаками²⁹; далее *феллахи* бахирехские сидели на земле подле своих мешков с сарацинским пшеном и финиками, между грудями своих арбузов. Смешанный говор раздавался в воздухе; порою только слышен был крик негра, водившего по рыночным улицам осла, который таскал на себе два большие меха с свежешю водою.

Гассан остановился у мечети; неподалеку от него несколько арабов, окруженные множеством зрителей, забавлялись игрою в джерыд³⁰. Легкие кони их, на всем скаку, пересекали дорогу один другому; дротики, метко брошенные, сшибались на воздухе; когда ж упали на землю, то смелые наездники их подхватывали, не приостанавливая бега скакунов своих.

Игра кончена. Победитель удержал

54

за собою поле. То был юный родович бедуинов сивахских. Он гордо подошел к старцам, кои, сидя под тенью входа в мечеть, смотрели на сии воинские потехи. Уже хотел он взять награду, когда Гассан, вышед из толпы, приблизился к нему. “Прежде, чем начнешь пировать победу, хочешь ли еще сразиться?” — сказал он юноше. Бедуин взглянул на него, не отвечал ни слова, вскочил на коня, схватил дротик из зыбкой трости *бана* и пустился на незнакомца, который вызывал его.

Но Гассан победил того, кто был победителем над другими. Он явил столько искусства и силы, что изумленные зрители воскликнули: “Это не человек: это какой-то дух, вмешавшийся в наши игры. Конь его не управляется поводом, а дротик никогда не падает на землю”.

Гассан улыбнулся и принял награду из рук старцев: то была чалма из драгоценной ткани кашемирской³¹, с белым пером колпицы³². Он обернулся к юноше, который со стыдом и досадою

шел скрыться в толпе народной. Гассан кликнул его, подал ему чалму и сказал громким голосом:

— Прими награду победителя. Сильна длань, укреплявшая мою руку, и никогда рука смертного не победит ее. Награда должна быть твоею, ибо сражаться можно с силами равными.

Толпа слушала и теснилась вокруг него еще с большим удивлением и недоумением. В сию минуту послышался резкий голос имана, возвещавшего час молитвы; глаза всех обратились к минарету. Служитель аллы прибавил: “Правоверные! объявляем вам, что генерал Бонапарте взял город Яффу. Восхвалим Бога и Могаммеда, его пророка!”

Тогда вместо *лелии*, криков: *аллах Иллах! Аллах!*, кои мусульмане возносят к богу в знак своего благодарения, послышался в онемевшей от печали толпе один только крик, дикий *текбир**, тот грозный клич войны, который некогда предводил в битвах воинов пророка, победителя и законодателя. Никто не знал, чей голос произнес его, но многие *феллахи* говорили потом, что звук сего голоса был свыше человеческого. То достоверно, что сей клич, долгое время не употреблявшийся, вдруг был повторен всею толпою.

Тогда победитель, уступивший побежденному награду за *джерид*, поднялся на стремянах и вскричал:

— Правоверные! я ангел Эль-Моды. Бог посылает меня к вам для прогнания франков и освобождения Египта.

* Аллах, Акбар! (Велик Бог!)

Тот, кто возымеет теплую веру в Бога и смело пойдет за мною в битву, увидит, что пули будут летать вокруг и его не ранят. Но горе, седмерицею горе тому, кто усомнится во всемогуществе аллы и в обещаниях Эль-Моды!

И мусульмане, слушая сии слова, поверглись на прах лицами.

— Встаньте! — воскликнул Эль-Моды,— должно сражаться.

— У нас нет оружия,— сказал один *феллах*.

— Кто сомневается,— подхватил Мелек грозным голосом,— что Бог не пошлет его нам? Войдите в мечеть: там найдете вы оружие, которое принес в дар Богу халиф³³ Мохазем, когда возвратился в Египет победителем над неверными неграми Феца³⁴. Возьмите его и ступайте за мною к победе.

Феллахи вооружились и, предводимые Мелеком Эль-Моды, пошли на Дамангур, воспевая хвалы пророку и повторяя грозный *текбир*.

(Окончание в следующем №.)